

УДК 111.82

PARS PRO TOTO — ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО?**Курбатова Людмила Викторовна,***кандидат философских наук,**доцент кафедры философии и права**Пермский национальный исследовательский политехнический университет,**614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;**e-mail: lukur@list.ru***Столбова Наталья Викторовна,***кандидат философских наук,**доцент кафедры философии и права**Пермский национальный исследовательский политехнический университет,**614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;**e-mail: pilthekid@mail.ru*

Мир может пониматься или как фрагментированный, дискретный, специализированный, профессионализированный, или как целостный, организованный и образованный. В статье рассматривается вопрос о соотношении фрагментирования и целостности в современной культуре и в современном человеке. Сегодня актуальным является проблема гипертрофирования первого понимания и кризиса второго, что выражается в утрате общего духовного пространства и фиксации на уникальном, специальном и индивидуальном. В русле философии образования эта проблема выражается через преобразование диалога как выхода к общим смыслам между участниками образовательного процесса. Авторы показывают возможности использования документального кино для выстраивания современного диалога.

Ключевые слова: культура; человек; духовность; образовательные практики; целостность; фрагментирование; диалог; документальное кино.

Сегодня кажется очевидным утверждение, что всякие образовательные практики имеют целью «приготовить человека» ко включению в процесс конкуренции, делания карьеры, овладения «смыслом жизни», постижения «мудрости»... судьбы. Другими словами, подготовить к вступлению в какую-то иную (часто «взрослую») жизнь. Как будто бы одна — временно неполная, «частичная жизнь» предшествует другой — наполненной, целостной, настоящей.

Как определяется готовность человека к этой «другой» жизни? Не претендуя на новизну, заметим: наверное, ответами на вопросы и, следовательно, ответственностью, которую человек готов принимать как «личную ответственность». Предпочтение тем или иным вопросам, на которые человек готов отвечать в тот или иной промежуток его жизни, зависит и от «среды», в которой он идентифицирует себя как «своего». И от развитости «дома», в котором он себя обнаруживает, в том числе с любовью к нему близких людей. И от «государственных стратегий», реализующихся в

конкретный промежуток времени под «флагами» «образования человека», в том числе и ЭТОГО конкретного человека. Мир, в который надлежит вступить человеку, решающемуся на образование, имеет некую границу. И через нее предстоит переступить. Вот только эти обособленные своими границами целостные «другие» миры — разные, в первую очередь исторически. Поэтому и «задачи попадания» в «Универсум» исторически специфические. До сих пор события общей европейской жизни середины XX в., которые потрясли европейских мыслителей, вызывают напряжение: «Оцепеневшая от своего предполагаемого предмета — истребления, концлагерей — философия преображает собственную невозможность в трагическую позу» [1, 4].

Именно эта задача — «человеку попасть в Универсум» — и является общей исторической составляющей, о каком бы периоде истории мы ни размышляли.

И сегодня «попадание в мир» продолжает оставаться проблемой. Особенность этой пробле-

мы — исчезновение мира как целостности. Целостность — значимая и важная ценность для множества людей. Мир же из Универсума превратился во множество «специальных частей». И «собрать» мир из «частей» зачастую оказывается невыполнимой задачей. Жизнь в «несобранном мире» становится несчастной.

В условиях кризиса универсального и актуализации частного в особой опасности оказывается гуманитарное образование. Дни философии в Петербурге, проходившие осенью 2012 г., были посвящены проблематике образования, и они ярко продемонстрировали тенденцию сокращения его гуманитарной компоненты. Всесторонне образованный специалист оказывается ненужным. Нарастающая специализация в современном образовании, вызванная увлеченностью стратегиями расстановки и фрагментирования, выражается в отказе или в ограничении общего образования, в засилье новых технологий, а в России это еще сопровождается чудовищной по своим масштабам формализацией и бюрократизацией образовательного процесса. В этих условиях гуманитарий всегда оказывается проигравшим. С одной стороны, он зажат тисками образовательных программ и развивающейся технологичностью, а с другой — искренним непониманием обывателя: зачем нужно получать общее образование, если оно не может пригодиться в решении конкретных задач в рамках профессиональной деятельности. В таких условиях гуманитарное сообщество захвачено критической философией, в то время как людей объединяют серийное производство и массмедиа, основанные на игре темами интеграции и персонализации (как об этом писал, например, Ж. Бодрийяр [2]).

Но «гуманитарные вопросы» возникают, а вместе с ними возникает и вопрос об интеграции! Что же современный гуманитарий может предложить сегодня человеку? Воспользуется ли он запросом на интеграцию? Или параллельно со звучащими вокруг разговорами о гуманитаризации будет продолжать навязывать традиционные ценности, потерявшие свой социальный фундамент, или же критиковать все и вся? И в том, и в другом случае можно прогнозировать дальнейшее снижение уровня доверия к гуманитаристике со стороны представителей «массового общества».

Задача данной работы — поставить вопрос о том, какой гуманитарный дискурс (и, соответственно, какая интеграция) уместен в современном обществе.

Речь идет в первую очередь о гуманитарных школах, как о гуманитарной составляющей системы общего дошкольного, школьного и вузовского и втузовского образования. Немаловажны и значимы сегодня также общественные мероприятия, организуемые гуманитарным сообществом. Все эти компоненты сегодня переживают кризис легитимации в обществе.

Нынешняя социальная реальность способствует тому, что на всех уровнях практики духовной интеграции и попыток выстроить единую систему духовности легитимируются как варианты «заботы о себе». В отличие от многих идеологических конструктов забота о себе может рассматриваться как практика свободы, как это показал еще М. Фуко [11]. С другой стороны, усложняется и конфигурация духовного пространства, в котором коммуникация начинает играть ключевую роль (как сказал бы Ю. Хабермас: «сегодня настала эпоха коммуникативного разума» [12]). Как на уровне научных гуманитарных школ, так и на уровне общего гуманитарного образования и свободных дискуссий такая модель хотя и выглядит красиво и, возможно, является идеалом либерально-демократических представлений о свободе мысли, но в своей сути она не лишена противоречий, т.к. на данный момент остро нуждается в разработке способов реализации. Ответить на вопросы о «конфигурации духовного пространства» можно только в контексте ответов на вопросы «о судьбе», о «предназначении человека».

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ЦЕЛОСТНОЕ или ЧАСТИЧНОЕ?

Что сегодня изменилось в мире? По отношению к чему произошли перемены? С чем они связаны? Кем могут быть интерпретированы и осмыслены? Существуют ли такие максимально широкие «конструкции», которые готовы к «имплантации» внутрь новых опытов? Есть ли такая «философская доктрина», которая может претендовать на инсталляцию таких духовных опытов, которые могли бы принести облегчение, ясность и утешение мятущемуся духу современного человека?

Как быть с тягостным ощущением отсталости, которое возникает в душе всякий раз, когда человек обращается к внешним источникам информации, перегруженным ненужными деталями?

Как удержать ощущение целостности и осмысленности существования, когда «текст — умер», «философия — мертва», «бог — мерть»?

Как оказаться счастливым и не расходовать свою жизнь в погоне за «материальными благами,

выстроившимися бесконечными рядами на бесконечных полках бесконечных магазинов»?

«Современный циник — это интегрированный в общество антиобщественный тип»... «инстинктивно он воспринимает свой способ существования уже не как что-то злобное и ехидное, а как причастность к коллективному реалистически скорректированному взгляду на вещи» [8, с. 27].

Вопросы, вопросы, вопросы... Где найти надлежащих собеседников, которым стоит задавать вопросы и чьи ответы хочется выслушивать? Как научиться задавать вопросы, не впадая в страх отказаться от себя... Как преодолеть этот ужас от себя — мелкого, беспомощного и бессмысленного?..

Почти сто лет назад Макс Шелер высказал пожелание к обучению общим гуманитарным дисциплинам в народном университете: «...в рабочем надо пробудить ощущение того, что мир образования находится полностью за пределами его повседневного труда: что он как человек, гражданин, немец имеет еще и совершенно другие задачи, чем те, что свойственны ему как рабочему. Именно рабочему мир образования должен противостоять как нечто чуждое, новое, как некое неведомое для него ценностное измерение, бесконечно далекое от его профессии. Именно резкая противоположность между, с одной стороны, механизированным, в принципе не поддающимся одушевлению профессиональным трудом и, с другой стороны, стремлением к человеческой и гражданской самостоятельности — вот что составляет совершенно новую проблему душевной пустоты, которую создает в рабочем профессия вкупе с односторонней политической партийной работой и которую образование должно заполнить. Как может колесико в механизме профессиональной жизни быть вне профессии и в то же время цельным человеком» [13, с. 509]. С одной стороны, Шелер действительно подмечает важный момент: фрагментирование отрицает человека как целостность. Развиваются одни модули личности, оказавшись в определенных обстоятельствах, и игнорируются другие. Иногда это бывает осознанным и обоснованным. М. Маклюэн в «Понимании медиа» приводит пример хирурга, который не смог бы оперировать людей, если бы не фрагментировал себя, сводя человеческое к одному модулю своей профессиональной деятельности [5]. А С. Жижек в работе «О насилии», наоборот, показывает фрагментирование другого рода: например, сын Л.П. Берия написал мемуары о своем отце, в которых Берия был представлен добрым семьянином. Будто бы он всей своей деятельностью старался смягчить тот

вред, который наносили его соратники [3, с. 41]. В данном случае фрагментирование — чудовищное: как может один человек отправить днем на расстрел 1000 человек, а вечером прийти домой и как ни в чем не бывало поцеловать своего ребенка? Действительно, «мы овладели искусством проводить с полной отрешенностью самые опасные социальные операции» [5].

XX век, с его фашистскими и тоталитарными «опытами» показал, что тема и методы «анализа», «частичности», «фрагментирования» позволяют истреблять какие-то части «населения» как неуместные. Неважно ради какой идеи! Ровно ничего не мешало появлению «концепций», в которых объединялись разнородные части в «целое». Как избежать трагедии такой совместимости? Как не встать на путь повторения таких же «целостностей» впредь?..

Можно ли сделаться и оставаться «гуманистом», «изучая» «гуманитарные предметы», занимаясь «гуманитарными науками»? А если нет, то откуда берется сила «быть гуманным»?.. Равно как и «быть русским», «быть добрым», «быть справедливым», «быть сильным»? Как это сначала «быть в недо-бытии» («до образования»), а потом переходить в «бытие» (стать «образованным»)? В этом пункте наших размышлений мы натываемся на важную проблему — технологизации образования. Наплыв технического вызывает очень настороженное отношение, особенно в гуманитарной среде. Оно принимает самые разнообразные формы: от фиксации разрыва между благородными поисками истины и рутинным рационализированным использованием технологий (в данном случае использование технологий — как «техники» — просто оскорбляет) до откровенного страха за то, что технологии полностью заменят собой гуманитарный компонент. Как пишет Б.В. Марков в «Людях и знаках»: «Причина такой неприязни лежит в старом онтологическом различии души и тела, в котором подразумевается, что душа — источник высоких ценностей, а тело требует низменных удовольствий» [6, с. 241]. Мир «техне», мир машин и «машинных» (в особенности компьютерных) технологий способен кого угодно заморозить. И только совсем уж необеспеченные люди игнорируют Интернет как технологию «общения» как способ коммуникаций. Однако все чаще оказывается, что фрагменты общения «в Сети» не в состоянии заменить настоящую книгу, стоящую размышлений, балетный спектакль, путешествие на выставку художников... Душа, как и во времена Платона или

Плотина, все еще подвижна и хочет оставаться наполненной. Но самой собой.

Могут ли вообще технологии заменить собой традиционную систему образования? Изначально образовательный процесс разворачивался в форме диалога родителя-ребенка и учителя-ученика. В ходе межличностного диалога передавались знания, а также шло приобщение к культуре в непосредственном личном общении. В эпоху книжной культуры межличностный диалог уже существует в снятом виде, т.к. передача знаний и приобщение к общему пласту духовности идет во многом через чтение текстов. По мысли Б.В. Маркова, христианство — это первая медийная система, закрывшая своими текстами огромное пространство и реализовавшая возможности передачи сообщений внутри него. И переход к формированию духовного пространства посредством текстов тоже проходил небезболезненно. Платон критиковал «письмена», т.к. их, в отличие от речей, никто не может защитить от неправильного прочтения; а Аристотеля его современники презрительно называли «писателем».

Сегодня же межличностный диалог тонет в обилии различных источников информации, консолидированных в сети Интернет, и поэтому общедоступных. Многие авторы говорят об опасности Интернета для человека, т.к. погрузившись в это бесконечное пространство сообщений, можно из него не выйти. Психологи даже стали говорить об интернет-зависимости и о подмене межличностного диалога, который даже в эпоху господства христианской духовности и системы сообщений достаточно четко очерчивался — интернет-диалогом. Сегодня можно жить активно и весело в социальных сетях, быть продвинутым в компьютерных интернет-играх и уважаемым другими игроками, но при этом лежать на диване в застиранной майке, без работы и реальных друзей, отъедая огромное брюхо (фастфуд можно также легко заказать через Интернет). Все это отчетливо видно и в сфере образования — лежа на диване можно получать дистанционное образование, которое сегодня предлагается как равная альтернатива традиционному обучению. Также доступ к интернет-сети в любой точке мира, который не только делает информацию обо всем доступной, но и создает иллюзию владения этой информацией. В результате распространяется современный миф о том, что учитель уже не нужен, т.к. он только транслятор знаний, его легко можно заменить iPad-ом. В педагогике с этим мифом усердно работают, превращая учителя в организа-

тора учебного пространства, выстраивающего цепочки получения и переработки информации, тем самым изучение истории, математики, биологии и др. подменяется развитием медиаграмотности, а особенность предмета сказывается только в своеобразии информационных цепочек. Конечно же, такая образовательная стратегия очень важна, ведь медиаграмотность сегодня становится основной «компетенцией» ученика, т.к. определяет его способность ориентироваться в многообразии информационных потоков современности и приобщает к интернет-культуре. Но опять-таки это заостряет проблему дилетантизма в любой специализации, с одной стороны, а с другой — происходит подмена человеческого общения координированием действий с информацией.

Но какое место в этой усложненной образовательной среде сохраняет межличностный диалог в форме простого человеческого общения, на базе которого и выстроилась вся разветвленная система современного образования? Остается ли он еще прозрачным или не просматривается, а если просматривается, то с трудом? Современному человеку, тонущему в обилии информационных потоков и постоянно координирующему эти потоки, очень трудно разобраться в себе, выстроить определенное понимание ценностно-богатого мира, утвердиться в понимании того, что такое истина, добро, красота и т.д. Все это тонет в равновероятных потоках значений, полярных мнений «экспертов», порождая мировоззренческий релятивизм и устранение человеческого. Сегодня очень сложно просто оставаться человеком, прорываясь через сложнейшую социальную реальность, снабженную огромным количеством посредников в виде техники, социальных институтов, текстов и гипертекстов и т.д.

Роль гуманитария сегодня, с нашей точки зрения, — показать путь к человеческому, убедить, что существует такой путь. Предложение быть просто человеком сегодня не может быть традиционным: оно не игнорирует технологичность, не требует присоединения к сформированной идеологии, выстраивания «неокончательного Бога», не противостоит тому «миру», в котором человек живет, открывая чуждую ему замысловатую реальность со своими принципами и стратегиями. Оно создает пространство, в котором предоставляются возможности для смыслообразования и межличностного диалога. Сохраняя за человеком свободу смыслообразования, в соответствии с той жизненной ситуацией, в которой человек находится, такое пространство предоставляет возмож-

ность образовывать смыслы и одновременно останавливать возможность смыслообразования там, где человеку комфортно. Это может быть семинарское занятие, тренинг, конференция, школьный урок и т.д. Такое пространство может быть создано на базе любого учреждения, работающего с гуманитарной составляющей в образовании, и успешно интегрироваться в образовательный процесс на любом его уровне: начальном, среднем, высшем, дополнительном.

Способствует созданию такого гуманитарного пространства и документальное кино. Документальное (неигровое) кино в мировой культуре — явление уникальное. Документальным называется фильм, в основу которого легли съёмки подлинных событий и лиц. Кинематограф возникает на основе документальности кадра. Все началось с возможности оживить мгновение и заставить время «вернуться» в любой необходимый человеку момент. Человек расширил свои возможности во времени и в пространстве. В конце XIX в. появилась уникальная возможность съёмки документальных действий — демонстрация возможности техники и фиксация мгновений истории: в ноябре 1895 г. в Берлине М. Складановский продемонстрировал свой «биоскоп», а в декабре 1895 г. в Париже братья Люмьер продемонстрировали «синематограф». В течение последующих двух лет публичные демонстрации короткометражных фильмов были проведены во всех мировых столицах. В России первый показ был организован в мае 1896 г. в Санкт-Петербурге (в саду «Аквариум»). И сразу синематограф стал культурно-просветительным. Документальное кино первым «захватило» территорию кинематографа. И главной его культурной функцией сразу же становится просветительство. Появилась уникальная возможность осуществления культурно-просветительных программ. Они «носили характер общественный и во главу угла ставили исключительно моральный успех, не гонясь за материальным» [8, с. 55]. Лев Троцкий увидел в кинематографе сильного и достойного конкурента кабакам и пивным, церкви. «Кинематограф развлекает, просветит, поразит воображение образом» [10, с. 103]. Темой для документальных фильмов чаще всего являются интересные события, культурные явления, научные факты и гипотезы, а также знаменитые персоны и сообщества. Сосуществуя рядом с художественным кинематографом — своим младшим братом, документальное кинотворчество нередко поднималось до серьёзных философских обобщений.

Документальное кино — это еще и уникальное медийное средство познания мира и средство самовыражения. Как для зрителя, так и для создателей. Для каждого, кто любит документальное кино, предоставлены возможности самые широкие. И все зависит лишь от меры таланта восприятия и этического чувства зрителя. И от потребности образовываться — постоянного культивирования в себе, в своей голове образа мира, в котором нам суждено находиться. Это образ мира, который кому-то обязательно надо расширять, пополнять, культивируя в себе все новое, неизведанное, интересное, а кому-то хорошо и в своем мирке, где тепло и не сыро. Первые — это те, кому как глоток воды нужна свежая информация о том мире, где его самого нет... Документальное кино в современном образовательном процессе определяется широким спектром развития человека. Но главное — документальное кино учит общению. Ведь при существующей традиции современного образования, особенно технического, общение вырастает в огромную проблему. Это, с одной стороны, а с другой — избыточный поток информации, идущей отовсюду, стал реальностью. Еще на пороге XX в. Л.Н. Толстой предупреждал, что насыщение информацией ведет к скудоумию [9]. Но это было время, когда можно было ограничить себя от потока информации, когда была возможность выбора самой информации или ее источника. Прошло сто лет — и ситуация коренным образом поменялась. Теперь от информации невозможно «скрыться», она накатывает широкой волной, от которой никуда не спрятаться. Избыточный поток информации стал реальностью. Человек «проглатывает» эту информацию, «перепополняется» ею, не успевая ее усваивать. Поток информации — насыщенный, поглощающий, а порой агрессивный. Переживаниям, общению самим с собой часто не остается места, времени, возможности. А способность мыслить рискует быть утраченной совсем. И только внутренний мир представляет собой надежное убежище от внешнего мира, но и там не всегда бывает надежно и спокойно. Теряется интерес к общению с живым миром. Минимум такого общения приводит к отсутствию потребности живого непосредственного выражения мысли, словесной передачи переживаний и эмоций — как радостных, так и печальных.

Современное документальное кино как бы приостанавливает этот процесс, заставляя задуматься, приглашает к диалогу. Документальный фильм собирает желающих общаться, вызывает общий интерес и формулирует проблему. Зритель

ее фиксирует, пронесит через свою душу, затрагивая самое сокровенное. Хорошее документальное кино обращается к каждому человеку непосредственно. В то же время, объединяя всех, медиаобраз, проходя через каждого зрителя, образует пространство взаимодействия каждого со всеми. Общаются автор фильма, зритель, много зрителей. Зарождается диалог — основа позитивного восприятия и мировоззрения. Общение не заменить ничем, ему нет аналогов. Главное — ощутить в себе эту потребность, попробовать дать ей реализоваться и не терять уже никогда. Культура общения продолжает оставаться одной из главных ценностей современного мира и человека.

Пермская «Флаэртиана» — известный, международный фестиваль документального кино. Флаэртиановские фильмы отличаются от других направлений в документальном кино тем, что основной принцип их съемки — невмешательство. Фестиваль такого направления в современном документальном кино существует с 1995 г. и носит имя легендарного американского кинорежиссёра, одного из основоположников и классиков мирового документального кино. Как оператор Роберт Флаэрти исходил из простейших принципов: снимай то, что кажется интересным тебе самому (вряд ли твой взгляд уникален), и человек, способный разделить с тобой свои эмоции, найдется всегда; комбинируй статику с динамикой — это распределяет интерес зрителя, организует его внимание. Главное в таком документальном кино — создать иллюзию отсутствия камеры, передать эффект «жизни как она есть». Это было новое слово в документальном кинематографе в 30-е гг. прошлого века. Флаэрти был убежден, что камера умнее и честнее предвзятого языка и замусоренной головы. Всю свою жизнь на стыке кинематографии и антропологии Флаэрти посвятил людям неординарным. Это был поиск и исследование границ человеческих сил и возможностей, утверждение человека не как венца творения, а как органичной части природы, вынужденного и способного на активное соучастие с природой в своем выживании и существовании. Сегодня вызывает удивление то, что «способ», каким видел мир режиссер, удивительным образом попадает в стилистику, созвучную сегодняшней ситуации «распадения мира»: увидеть «жизнь как она есть» — это и значит сохранить ощущение целостности мира!

В рамках фестиваля «Флаэртиана» некоторое время назад был организован специальный проект «Флаэртиана-социум», включающий в себя несколько направлений: «ВУЗ-Флаэртиана», «Фла-

эртиана-профессионал» и «Флаэртиана-территория». В рамках этих направлений проводятся просмотры документальных фильмов с последующими дискуссиями на различных образовательных площадках (в детских садах, школах, техникумах, вузах, учреждениях дополнительного образования, научных конференциях и т.д.). А с 2014 г. направление «ВУЗ-Флаэртиана» превратилось в отдельный студенческий фестиваль.

Практика такого рода мероприятий неожиданно обнаружила свою актуальность в устойчивом спросе на них со стороны образовательных учреждений. В немалой степени это определялось дефицитом образовательных технологий, ориентированных на «удержание целого». Мы готовы рискнуть ввести в оборот обозначение таких технологий как «тотумных» технологий (от латинского слова *totum* — «целое»). *Pars pro toto* — часть вместо целого. То, что было в почете в традиционных системах образования, теперь должно бы перевернуться!

Здесь создается пространство приобщения к культуре, но в то же время остается свобода смыслообразования. Более того, проект реализует современные стратегии медиаобразования, где роль медиаобъекта (фильма) не главенствующая, довлеющая над человеком, а посредническая — раскрывающая для человека мир и его самого. Этот момент наиболее важен, т.к. многие теоретики медиакультуры показывали медиа как поле господства другого, заполненное рекламой, мифами, симулякрами, играющими с потребителем и постоянно совершенствующими свою игру. Поэтому здесь стоит четко провести границы. «Флаэртиана» при всей своей популярности — это не массмедиа-проект. Использование документального кино в рамках ее проектов является образовательной практикой раскрытия человека и поэтому требует работы профессионального гуманитарного сообщества: психологов, педагогов, философов, историков, журналистов. Гуманитарные проекты «Флаэртианы» интегрируются в систему образования и в деятельность пермского философского, психологического и педагогического сообществ. Представители этих сообществ и являются тьюторами проводимых дискуссий или экспертами конкурсных программ, т.к. владеют практиками раскрытия человеческого в человеке и создания общего духовного пространства дискуссии. Роль тьютора-гуманитария является ключевой в проведении таких дискуссий, ее осмысление проходит на конференциях, проводимых в рамках «Флаэртианы-социум» и в выпуска-

емых в рамках этого проекта сборниках. Так, С.В. Полищук, представитель психологического сообщества, тьютор, сотрудник «Пермкино» и преподаватель гимназии № 4, в своей статье отстаивает мысль о том, что тьютор — это «сталкер» в мире смыслов и ценностей [7]. Автор под этим подразумевает, что в ходе дискуссии идет погружение в «запретную зону», которой он считает область духовно-душевных переживаний, аргументируя тем, что «это интимно-личностная сфера, в которую очень редко пропускают кого-либо, а особенно не пропускают человека, которому не доверяют» [7, с. 21].

Каждый из нас — уникальное существо со своим специфическим набором переживаний и отношений к определенной духовности, характерной для общества. Каждый из нас не только принадлежит, но и производит, сохраняет, удерживает тотальность принятыми в «этой» культуре способами. Конечно, культура — это бремя! И человек не может нести это бремя в одиночестве. Тяжесть ноши требует разделить ее с кем-то. В ситуации неразделенности тотальности могут возникать острые ситуации, в том числе чреватые серьезными психологическими проблемами.

Данная статья затрагивает актуальную проблему «приготовления к целостности», которая возникает в повторяемости альтернативных ситуаций: отрыва человека от культуры. Забвение, утрата общего духовного пространства и фиксация на уникальном, специальном и индивидуальном не случайны. Сегодня это часть идеологии унификации и персонификации. Но ни унификация, ни персонализация не ведет никого в мир Универсума. Поэтому мы полагаем, что принцип должен быть изменен:

Toto pro Pars — целое вместо части!

Список литературы

1. Бадью А. Манифест философии / сост. и пер. с фр. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 222 с.
3. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
4. Лурье С. Страничка истории // История Отечественного кино: хрестоматия / рук. проекта Л.М. Будяк; авт.-сост. А.С. Трошин, Н.А. Дымшиц, С.М. Ишевская, Б.С. Левитова. М.: Канон +: РООИ «Реабилитация», 2011. С. 54–56.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева; закл. ст. М.К. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.

6. Марков Б.В. Люди и знаки: Антропология межличностной коммуникации. М.: Наука, 2011. 672 с.
7. Полищук С.В. Тьютор в сфере культуры — «сталкер» в области ценностей и смыслов // Флаэртиана-социум: сб. материалов проекта. Пермь, 2012. С. 19–23.
8. Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
9. Толстой Л.Н. Круг чтения // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 42. М.: Худож. лит., 1957. 612 с.
10. Троцкий Л.Д. Водка, церковь и кинематограф // История Отечественного кино: хрестоматия / рук. проекта Л.М. Будяк; авт.-сост. А.С. Трошин, Н.А. Дымшиц, С.М. Ишевская, Б.С. Левитова. М.: Канон +: РООИ «Реабилитация», 2011. С. 100–103.
11. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
13. Шелер М. Университет и народный университет // Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: Алетейя, 2011. С. 478–526.

Получено 01.10.2014.

References

1. Badiou A. *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. Saint Petersburg, Machina Publ., 2003, 184 p. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Sistema veschej* [The system of objects]. Moscow, Rudomino Publ., 1999, 222 p. (In Russian).
3. Zizek S. *O nasilii* [Violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010, 184 p. (In Russian).
4. Lur'e S. [Small page of history]. *Istoriya otechestvennogo kino: hrestomatiya* [History of native cinema: chrestomathy]. Moscow, Kanon + Publ., Local disabled persons' non-commercial association «Reabilitatsiya» Publ., 2011, pp. 54–56. (In Russian).
5. McLuhan M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding media: The extensions of man]. Moscow, Zhukovskij, KANON-Press-TS Publ., Kuchkovo Pole Publ., 2003, 464 p. (In Russian).
6. Markov B.V. *Lyudi i znaki: Antropologiya mezhlichnostnoj kommunikatsii* [People and signs:

- Anthropology of interpersonal communication]. Moscow, Nauka Publ., 2011, 672 p. (In Russian).
7. Polischuk S.V. [A tutor in the sphere of culture as a «stalker» in the area of values and meanings]. *Flaertiana-sotsium: sbornik materialov proekta* [Flaertiana-society: project information package]. Perm, 2012, pp. 19–23 (In Russian).
  8. Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2001, 584 p. (In Russian).
  9. Tolstoy L.N. [The circle of reading]. *Polnoe sobranie sochinenij v 90 tomah. Tom 42* [Complete set of works in 90 volumes. Vol. 42]. Moscow, State Belles-lettres Publ., 1957, 612 p. (In Russian).
  10. Trotsky L.D. [Vodka, the Church and the Cinema]. *Istoriya otechestvennogo kino. Hrestomatiya* [History of native cinema. Chrestomathy]. Moscow, Kanon + Publ., Local disabled persons' non-commercial association «Reabilitatsiya» Publ., 2011, pp. 100–103. (In Russian).
  11. Foucault M. *Germenevtika subjekta: Kurs leksij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The Hermeneutics of the Subject. College de France course lectures of 1981–1982 academic year]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, 677 p. (In Russian).
  12. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000, 380 p. (In Russian).
  13. Scheler M. [University and people's university]. *Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy* [Max Scheler's philosophical anthropology: lessons, criticism, prospects]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2011, pp. 478–526. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2014.

PARS PRO TOTO — PART INSTEAD OF THE WHOLE?

Ludmila V. Kurbatova, Natalia V. Stolbova

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The world can be understood or as fragmented, discrete, specialized, professionalized, or — as a complete and organized. The article considers the question of the relationship between fragmentation and wholeness in contemporary culture and modern man. Today is the problem of actualization the first understanding and the crisis of the second, resulting in the loss of a common spiritual space and commit to a unique, special and individual. In keeping with the philosophy of education, this problem is expressed through the transformation of dialogue between the participants of the educational process. The authors show the possibility of using documentary film to build modern dialogue.

Key words: culture; people; spirituality; educational practices; integrity; fragmenting; dialogue; documentary film.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Курбатова Л.В., Столбова Н.В. Pars pro toto — часть вместо целого? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 4(20). С. 20–27.

Please cite this article in English as:

Kurbatova L.V., Stolbova N.V. Pars pro toto — part instead of the whole? // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. Iss. 4(20). P. 20–27.